
© В.И. ЛЫСОВ

lvlad5@mail.ru

УДК 811.161.1'373.422:343.148.2

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АНТОНИМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ И АДВОКАТА**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается судебная речь как одна из нормативных правовых речей. В выступлениях прокурора и адвоката в судебном процессе ярко проявляется антонимия как лингвистическое явление. Отсутствие специальных исследований в современной коммуникативной лингвистике в сфере судебного диалога говорит о необходимости интерпретации этого явления, поэтому проблематика статьи своевременная и актуальная. Наблюдения о сущности судебного диалога дают возможность осмыслить принципы и правила организации судебного диалога не только лингвистам, но и юристам, специалистам в области юриспруденции, журналистам. Полученные результаты и закономерности могут быть использованы при обучении судебному диалогу и диалогической речи в целом студентов гуманитарных специальностей.

SUMMARY. The article deals with judicial speech as one of the legal speeches. Antonymy as a linguistic phenomenon is revealed in the the speeches of the prosecutor and attorney in the trial. The lack of special studies in contemporary linguistics in the field of judicial dialogue speaks of the necessity of interpretation of this phenomenon. Thus the issues discussed in the article are timely. Observations on the area of judicial dialogue give the opportunity to reflect on the principles and rules of judicial dialogue, not only to linguists, but also lawyers, experts in law and journalists. The findings and patterns in this article can be used for training specialists in judicial dialogue and dialogic speech in general.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Судебная речь, доводы, аргументы, антонимия, лингвистическое явление.

KEY WORDS. Judicial speech arguments, arguments, antonymy, linguistic phenomenon.

Как известно, **антонимия** — это тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные смысловые значения. Она представляет собой противоположность внутри одного речевого пространства. Самыми примитивными антонимами являются слова с «отрицательной частицей» типа: «комфортный» — «некомфортный». Антонимы — слова, обладающие противоположным значением, по крайней мере, в одном из контекстов [1; 26].

Естественно, не всякое слово может быть антонимом: противопоставлены могут быть только слова, принадлежащие одной грамматической или стилистической категориям.

Антонимия — явление прежде всего лексическое. Она тесно связана с другими лексико-семантическими категориями, главным образом с синонимией. Одна и та же лексическая единица может вступать с другой одновременно антонимические и синонимические отношения. Это явление называется антонимией синонимических рядов. Антонимия как лингвистическое явление ярко проявляется в судах. Судебные речи принято рассматривать как содержание судебных прений — особой части судебного разбирательства, в котором участники уголовного или гражданского процесса подводят итоги не только судебного следствия, но и предварительного расследования, излагают суду свои предложения по вопросам, подлежащим разрешению в приговоре или судебном решении.

Выступления в прениях — важнейшая и необходимая часть судебного процесса, помогающая сторонам активно влиять на его результат, убеждая суд в своей правоте. Судебная речь — одна из нормативных правовых речей; за выступлением участника судебного диалога или триалога стоит судьба человека. Отсутствие специальных исследований в современной коммуникативной лингвистике в сфере судебного диалога — «белое пятно» в типологии диалогов, поэтому необходимость интерпретации этого процесса или ситуации позволяют считать проблематику статьи своевременной и актуальной.

Прокурор, с одной стороны, и адвокат, представитель ответчика, — с другой, в судах являются главными представителями дискутирующих сторон. Прокурор и адвокат, защищая или оспаривая права истца и ответчика в гражданском процессе, поддерживая государственное обвинение или защищая права подсудимого в уголовном процессе, выполняют свою функцию в соответствии с процессуальным положением в судебном разбирательстве. Роль каждого из них сводится к выполнению действий, предусмотренных процессуальным законом: изложить, аргументировать правовую оценку данной ситуации.

Обвинительная речь прокурора обычно начинается с характеристики содержания рассматриваемого дела, преступления, в котором обвиняется подсудимый. До последнего времени было обязательным в обвинительной речи давать «общественно-политическую» оценку преступления. При этом считалось, что она «должна быть необходимым элементом каждой обвинительной речи». Общая характеристика рассматриваемого дела, его специфических черт должна быть объективной, конкретной, основанной на аргументах происходящего.

Правда, прокуроры в недавнем прошлом по аналогичным делам использовали стандартные социально-политические характеристики, получившие на профессиональном жаргоне наименование «шапок», которые можно было «примерять» без особого труда к делам по обвинению совершенно разных людей. Эта составная часть речи, которую принято было называть «политической частью», обычно предшествовала изложению доказательств. При этом возникали ситуации, когда обвинитель «клеймил позором» подсудимого за тяжкое преступление, а затем оказывалось, что обвинительные материалы, которыми он оперировал, или недоброкачественны, или недостаточны для осуждения в соответствии с обвинительной версией.

В своей речи государственный обвинитель излагает фактические обстоятельства дела в том виде, как они были установлены в результате судебного след-

ствия. Он утверждает, что подсудимый совершил оглашенные деяния, вмененные ему в вину, или же вносит коррективы с учетом результатов судебного следствия, а при наличии оснований заявляет об отказе от обвинения. Правовая и нравственная обязанность прокурора состоит в максимальной объективности в формулировании предлагаемых суду выводов о том, в чем, по его мнению, виновен подсудимый.

В обвинительной речи центральное место занимает анализ доказательств, предлагаемых участниками судебного процесса, и обоснование вывода о доказанности или недоказанности обвинения. Нравственные аспекты использования отдельных видов доказательств и их оценки были изложены ранее. Здесь же следует подчеркнуть, что прокурор не может ограничиться в своей речи утверждением, что обвинение «нашло в ходе суда свое подтверждение», «полностью подтвердилось», «безусловно доказано» и т. п. На нем лежит нравственная и правовая обязанность доказать обвинение, которое выдвинуто обвинительной стороной. Эту обязанность он должен выполнять и во время судебных прений. Она реализуется в виде аргументированных доказательств, доводов по существу их содержания, достоверности, достаточности, а не путем общих утверждений и заявлений. «Обвинитель должен быть силен в доводах, а не в эпитетах» [2; 70].

Юридическая оценка деяния — следующий элемент обвинительной речи прокурора. Она должна быть аргументированной, основанной на понимании сущности применяемого материального закона и даваться без «запроса», когда обвинитель стремится ориентировать суд при возможной альтернативе на применение более строгого закона, хотя внутренне не убежден в справедливости такой оценки [2; 75].

В речи прокурора дается характеристика личности подсудимого, основанная на установленных фактах. Эта характеристика должна быть объективной. Прокурор не вправе умалчивать о положительном в нравственном облике подсудимого, его прежних заслугах, поведении, что может служить смягчению ответственности. Сведения из биографии подсудимого могут использоваться лишь в той части, которая относится к преступлению и возможному наказанию. Личная жизнь подсудимого может фигурировать в речи прокурора, если соответствующие факты относятся к предмету доказывания [3; 90]. Прокурор не вправе «вменять в вину» подсудимому то, что он не раскаялся или не признал себя виновным, или не дал показаний, сославшись на нежелание отвечать на вопросы или запямятование.

В речи обвинителя, естественно, недопустимы насмешки над подсудимым, грубость, оскорбительные характеристики, а также заявления по поводу внешности подсудимого, его национальности, веры, физических недостатков. В речи обвинителя могут использоваться приемы иронии, однако юмору не место в зале суда, где обсуждаются слишком серьезные дела, где речь идет о горе, причиненном преступлением [3; 93].

Защитительная речь должна характеризоваться единством содержания и формы, иметь стройную цельную композицию, обеспечивающую последующее развертывание защитником тезисов. В ней не должно быть скороговорок, всякого рода повторов, неясных положений, уклонения от существа дела. Каждому вопросу следует отводить такое место, которое оно заслуживает в комплексе

исследуемых по делу обстоятельств. Второстепенные обстоятельства не должны затемнять, вытеснять главные моменты, важные защитительные доводы [3; 95]. В принципе общепринятых правил построения речи адвокатов не существуют. Попытки дать какую-то единую систему речи заранее обречены на неудачу. Выступление в судебном заседании — дело живое, творческое. Для защитительной речи еще в большей степени, чем для обвинительной, противопоказан шаблон, однообразие, заранее установленный трафарет.

Содержание и структура защитительной речи, как правило, индивидуальны и зависят от результатов судебного следствия, избранной позиции, характера предъявленного обвинения, особенностей доказательственного материала и других обстоятельств рассматриваемого дела. Защитник выступает в суде после прокурора и поэтому не может не учитывать тех доводов и аргументов, которые приведены прокурором. Он обязан представить на рассмотрение суда свои доводы и соображения, предложить свои аргументы. Вряд ли поможет правильному разрешению уголовного дела и своему подзащитному такой защитник, который, игнорируя результаты судебного следствия и доводы прокурора, будет строить свою речь, следуя заранее принятой схеме. Защитительная речь, как правило, носит полемический характер, органически связана с развернувшимися судебными прениями. Возражая против утверждений прокурора, подвергая критическому анализу приведенные им доказательства, адвокат отстаивает свою точку зрения, приводит контрдоказательства в подтверждение объективности своих суждений.

Вместе с тем это не означает, что выступление адвоката сводится лишь к ответу на обвинительную речь, что содержание последней обуславливает и содержание второй. Речь защитника носит самостоятельный характер. В ней адвокат должен подвергнуть детальному анализу все обстоятельства дела под углом зрения защиты подсудимого, привести все данные, говорящие в его пользу. В тех случаях, когда защитник выступает по групповому делу, он должен согласовывать свою речь с речами своих коллег, чтобы исключить повторения, разграничить обязанности и т.д.

Однако то положение, что в построении защитительной речи недопустим какой-либо стандарт, вовсе не означает, что не существует никаких общих требований, которым должна отвечать защитительная речь. Ее содержание и структура не могут быть произвольными. Они находятся в зависимости от тех задач, которые возложены на адвоката в процессе, и тех конкретных особенностей дела, по которому он выступает. Поэтому трудно согласиться с суждениями типа — для содержания речей, их направленности, способов их построения никаких правил не установлено. Защитник может произносить речи и по содержанию и по форме так, как он находит это нужным [4; 210]. Здесь авторы, видимо, впадают в крайность и рекомендуемая ими полная свобода выбора формы и содержания речи понимается как возможность говорить во время судебных прений о чем угодно и как угодно.

Исходя из конкретных обстоятельств дела, адвокат может: 1) оспаривать обвинение в целом, доказывая невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях состава преступления, за отсутствием самого события преступления или за непричастностью к нему подсудимого; 2) оспаривать обвинение в от-

ношении отдельных его частей; 3) оспаривать правильность квалификации, доказывая необходимость изменения предъявленного обвинения на статью УК РФ, влекущую более мягкое наказание; 4) обосновывать меньшую степень виновности и ответственности подсудимого, приводя смягчающие его вину обстоятельства; 5) доказывать невменяемость подсудимого, исключая наступление уголовной ответственности [5; 90].

Защитник в этой связи не только должен констатировать факты, излагать выдвигаемые положения, судить о том, что доказательства являются сомнительными, подкрепляя конкретными аргументами, приводя конкретные обстоятельства дела. Выступление адвоката может достичь своей цели только в том случае, если оно будет целиком и правильно воспринято судьями и если его содержание может убедить судей в истинности высказываемых суждений. Речь защитника должна быть конкретной, поскольку неконкретные, расплывчатые, не относящиеся к делу рассуждения загромаждают речь, не могут принести пользы для формирования истинного убеждения судей, а потому и лишают ее убедительности [5; 94].

Здесь важно подчеркнуть особенность структуры речи адвоката, каким должно быть ее начало (вступительная часть), основная часть, заключение. В процессуальной литературе этому вопросу уделяется достаточно большое внимание в том плане, что же должно входить во вступительную часть защитительной речи, а что должно находиться в заключении и т.д. [6; 45].

Таким образом, наши наблюдения о сущности судебного диалога дают возможность осмыслить принципы и правила организации судебного диалога не только лингвистам, но и юристам, специалистам в области юриспруденции, журналистам, поскольку, как справедливо подчеркивается в юридической литературе [2; 53] лингвистическая база судебного диалога все еще весьма слабо изучена. Кроме того, полученные результаты и закономерности с успехом могут быть использованы при обучении судебному диалогу и диалогической речи в целом студентов гуманитарных специальностей.

Для эксперта в этой связи важно обратить внимание на реализацию исходных терминов-понятий, корректность их использования и уровень взаимопонимания между участниками диалога. Поэтому судебное действие может стать тем нормативно-правовым смыслом, который смог бы удовлетворить участников судебного процесса. Лингвистическая экспертиза имеет все основания выполнять соответствующие ей функции, нацеливать на правовую культуру судебного производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новиков Л.А. Словарь антонимов русского языка: М., 1985.
2. Ивакина Н.Н. Культура судебной речи: Учеб. пособие. М., 1995.
3. Решенкин А., Павлов Н. О языке судопроизводства и стиле судебного акта // Вестник ВАС РФ. 2001. № 7.
4. Левин А.М., Огнев П.А. Защитник в советском суде. М., 1960
5. Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. Л. 1989.
6. Ножин Е.А. Основы советского ораторского искусства. М., 1973.